

Н. А. Ломагин

РОССИЯ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ: ОТ (САМО)ИЗОЛЯЦИИ К ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ В G20

В статье представлены основные этапы и особенности участия России в системе глобального управления. Присоединившись ко всем глобальным институтам регулирования мирохозяйственных связей, она получила возможность непосредственно оказывать воздействие на формирование повестки дня международных экономических организаций и контактных групп и таким образом влиять на важнейшие стороны глобальной политической и экономической жизни общества. Существенно изменился статус России в ведущих финансовых институтах: из заемщика она превратилась в донора, а также стала играть важную роль в многосторонних программах международной официальной помощи. На современном этапе одна из задач внешней политики нашей страны состоит в демократизации сложившейся после окончания холодной войны системы регулирования мирохозяйственных связей. Библиогр. 40 назв. Табл. 7.

Ключевые слова: глобальное управление, международный режим, сила государства, контактная группа.

N. A. Lomagin

RUSSIA IN THE SYSTEM OF GOVERNANCE OF THE WORLD ECONOMY: FROM (SELF)ISOLATION TO CHAIRMANSHIP IN G20

The article aims at identifying the key periods in Russia's integration into the system of global governance through the prism of international political economy. One of the most important features of post-Soviet developments was intensive interplay of political and economic markets which provided for Russia's accession to G8 and later to WTO in exchange for initial commitments by Yeltsin administration to regard NATO as the main pillar of the post-cold war security architecture. Current stage of Russia's participation in the global governance is characterized by its inclusiveness in practically all global institutions of the world economy, by its active role in agenda setting both as a state and as a member of many formal and informal institutions (G8, G20, BRICS) and willingness to further democratize post-cold war international order. Refs 40. Tables 7.

Keywords: global governance, international regime, government power, contact group.

1. Введение

С начала глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. проблемы, которыми занимается международная политэкономия применительно к вопросам регулирования мирохозяйственных связей, приобрели исключительную актуальность в научном сообществе и среди политиков. Вслед за вышедшей накануне кризиса фундаментальной монографией П. Хайналя о роли неформальных институтов в системе глобального управления — групп G8 и G20 [Hajnal, 2007] появилась работа о месте ряда быстрорастущих экономик в регулировании мирохозяйственных связей в рамках группы G20 [Middle Powers..., 2012]. Вызванная экономическим кризисом потребность в оперативном реагировании на возникшие проблемы мировой эко-

Никита Андреевич ЛОМАГИН — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; n.lomagin@econ.pu.ru

Nikita Andreevich LOMAGIN — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.lomagin@econ.pu.ru

номики привела к возрастанию роли сравнительно нового типа взаимоотношений крупнейших экономик мира — поддержанию существующих международных экономических режимов через формат международных контактных групп. Прежде всего, речь идет о группах G8 и G20, которые вырабатывают стратегические решения на глобальном уровне и затем «транслируют» их в глобальные международные экономические организации — МВФ, Всемирный банк и ВТО. Не случайно этот феномен получил определение в термине *G-world* (мир контактных групп), закрепившемся в литературе [Gnath, Schmucker, 2010].

Интерес к группе G20 вызван ее попытками обеспечить координацию усилий двадцати крупнейших экономик по преодолению кризиса и принятию комплекса мер, связанных со стимулированием экономического роста, целенаправленной борьбе с офшорами, отмытием денег и другими видами финансовых преступлений. В научном сообществе стал активно обсуждаться вопрос о том, каким образом страны «двадцатки» видят себя за «высоким столом», какую позицию они занимают по ключевым вопросам глобальной экономической повестки дня и что от них можно ожидать в будущем. Ежегодная ротация на посту страны-председателя в группе G20 делает этот вопрос чрезвычайно актуальным: провал или даже пробуксовка одной из стран-председателей может привести к негативным последствиям для всего мирового хозяйства. Особый интерес у экономистов и политологов вызывают растущие экономики, объединившиеся в группу БРИКС, которые все громче заявляют о своих амбициях и желании играть более значимую роль во всех ведущих международных экономических организациях — МВФ, группе Всемирного банка и, конечно, ВТО.

Председательство России в группе G20 в 2012–2013 гг., как ни парадоксально, не привело к серьезным попыткам экспертного сообщества разобраться в том, какое место страна занимает в системе регулирования мирохозяйственных связей и почему¹, хотя в предшествующие годы было стремление выявить отношение России к различным глобальным проблемам, включая финансово-экономический кризис, бедность, энергетическую безопасность и др., с точки зрения интересов различных групп влияния, в том числе бизнеса [Russia's Encounter..., 2011].

В отличие от Китая, Индии и Бразилии Россия по-прежнему обделена вниманием экспертного сообщества. Например, место партнеров России по БРИК в системе глобального управления в течение уже ряда лет является предметом серьезных исследований в Великобритании (Оксфордский университет и Университет Лондона), Германии (прежде всего, немецкий Институт развития) [Saran, 2010; 2012; Messner, Humphrey, 2005; Rodric, Subramanian, 2004] и особенно в Соединенных Штатах Америки, где Совет по внешней политике (CFR) реализует специальную исследовательскую программу по глобальному управлению². Как и в 1990-е годы, в современных сценариях развития системы глобального управления российский фактор учитывается лишь косвенно и, прежде всего, в качестве возможного препятствия на пути поступательного развития процессов глобализации. При этом возникает ряд

¹ Исключением является небольшая работа на эту тему, написанная А.П.Цыганковым [Tsygankov, 2009].

² Программа «Глобальное управление» включает широкий круг проблем, в том числе деятельность международных организаций и контактных групп, а также работу неправительственных субъектов, включая НГО и бизнес (подробнее см.: [http://www.cfr.org/issue/global-governance/ri7]).

вопросов. Каковы основные особенности участия России в регулировании мирохозяйственных связей на современном этапе? Намерена ли Россия присоединиться к существующей системе глобального управления (СГУ) и, по выражению западных держав, стать «ответственным субъектом» этой системы, сохраняя статус-кво, или же она предпочитает идти по пути ревизии основ сложившегося после окончания холодной войны миропорядка, поддерживая Китай, Индию и ряд других быстрорастущих экономик в их стремлении добиться радикального пересмотра квот в рамках МВФ и Всемирного банка за счет стран Запада? С чем связана возросшая в последние годы активность России в международных программах помощи и готова ли она к дальнейшему увеличению своего вклада в фонды международных глобальных и региональных финансовых институтов для решения проблем бедности, голода, борьбы с инфекционными заболеваниями и иных актуальных вопросов, нашедших отражение в Целях развития тысячелетия (ЦРТ) ООН? И, наконец, в чем состоят итоги российского председательства в группе G20? В настоящей статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые рассматривается место России в современной системе регулирования мирохозяйственных связей, анализируются особенности становления России как одного из новых (и пока еще весьма слабых) субъектов глобального управления, а также подводятся итоги ее председательства в группе G20.

2. Проблема глобального управления в международной политической экономике

2012 г. стал своеобразным рубежом в современной истории России: она вступила почти во все формальные институты экономического глобального управления, за исключением ОЭСР, но собирается сделать это в ближайшее время. Вместе с тем, как отмечается в Концепции внешней политики РФ (2013 г.), «стремительное ускорение глобальных процессов в первом десятилетии XXI века, усиление новых тенденций в мировом развитии требуют по-новому взглянуть на ключевые направления динамично меняющейся ситуации в мире, переосмыслить приоритеты внешней политики России с учетом ее возросшей ответственности за формирование международной повестки дня и основ международной системы» [Концепция..., 2013а].

В литературе нет единого мнения о том, что такое глобальное управление (ГУ), какие институты в него входят, какова их иерархия и как, собственно, осуществляется взаимодействие политического и экономического рынков? Споры о сущности глобального управления среди экономистов и политологов отражают признание того, что процессы глобализации привели к появлению совокупности трансграничных проблем политического и экономического характера, которые невозможно решить на национальном уровне. Международные финансовые кризисы, регулирование деятельности банков, международная миграция, растущая бедность, изменение климата, международный терроризм — все эти проблемы вышли на повестку дня наряду с традиционными для международных отношений проблемами изменений международного торгового режима.

Профессор А. Найджем (A. Najam) из Школы права и дипломатии им. Флетчера Университета Тафта, являющегося одним из ведущих центров подготовки дипломатов, определяет значение термина «глобальное управление» как «управление глобальными процессами при отсутствии глобального правительства». По мнению

Т. Вейсса, который в 2000–2005 гг. возглавлял авторитетное научное издание «Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations», «глобальное управление... — это совокупность конкретных форм сотрудничества для решения той или иной глобальной проблемы, включающая не только систему ООН, но и многие другие международные организации и институты, а также неправительственные субъекты» [Thakur, Weiss, 2010]. Эти формы сотрудничества «могут носить как формальный характер — правовые нормы или международные правительственные и неправительственные организации... — так и неформальный — контактные группы или спонтанно возникшие коалиции для выработки основных направлений решения возникшей проблемы» [Karns, Mingst, 2009].

Директор немецкого Института развития Д. Месснер определяет глобальное управление как «систему институтов и правил, а также новых механизмов международного сотрудничества, которые позволяют на постоянной основе решать глобальные или трансграничные проблемы» [Messner, 2000; 2003]. Таким образом, глобальное управление — это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов и процессов, происходящих между государствами, международными правительственными и неправительственными организациями и рынками, посредством которых вырабатываются общие интересы, а также устанавливаются права и обязанности различных субъектов международных отношений при решении выходящих за пределы одного региона проблем.

Международная политэкономия (МПЭ)³ располагает определенным инструментарием для оценки места государств в системе регулирования мирохозяйственных связей. Она исходит из того, что экономический и политический рынки взаимодействуют друг с другом. В отличие от традиционного экономического подхода, рассматривающего рынок преимущественно как саморегулирующийся механизм, МПЭ учитывает, что мировая экономика оказывает большое влияние на экономическую мощь государств, его ценности, а также степень их политической автономности на международной арене.

В контексте избранной нами темы следует подчеркнуть, что международная политэкономия особое внимание уделяет природе международных институтов, включая международные режимы, которые определяют правила функционирования международных рынков. Поскольку режимы могут оказывать существенное влияние на распределение выгод при осуществлении экономической деятельности, то государства, особенно сильные, стремятся формировать эти режимы «под себя» с тем, чтобы наилучшим образом обеспечивать свои политические, экономические и иные интересы. Один из экспертов охарактеризовал современные институты глобального управления термином «глобальный апартеид», подчеркивая господство меньшинства (развитые страны во главе с США) над большинством (развивающиеся и наименее развитые страны) в ключевых финансовых институтах — МВФ и Всемирном банке [Titus, 1996]. Схожей точки зрения придерживаются профессор Принстонского университета Д. Родрик, отмечавший, что до недавнего времени система глобального управления практически исключала возможность развивающимся странам принимать в ней эффективное участие [Rodrik, 1997]. Таким образом, международ-

³ См. классическую книгу под редакцией профессора Гарвардского университета Дж. Фридена и профессора Калифорнийского университета (Дэвис) Д. Лейка [International Political Economy..., 2000].

ная политэкономия предполагает, что государства, ТНК и другие значимые субъекты экономических отношений стремятся использовать свою мощь для того, чтобы определять природу этих международных режимов [Ruggie, 1975].

Наконец, исключительно важной проблемой МПЭ является вопрос об эффективном глобальном управлении, которое гарантирует надлежащее функционирование важнейших международных экономических режимов. Сами по себе режимы этого сделать не могут потому, что они не располагают инструментами принуждения. Режимы по определению опираются на политический фундамент и способность лидера (или лидеров) обеспечить выполнение тех или иных правил, регулирующих международные торговые, финансовые и иные формы экономических отношений. Нобелевский лауреат Р.Манделл, а также ряд других выдающихся экономистов убеждены в том, что наличие в международной системе сильного лидера или даже гегемона является необходимым условием для того, чтобы принятые в той или иной сфере нормы и правила соблюдались [Gilpin, 2001]. Потребность в лидерстве как никогда высока в период экономических кризисов. На плечи лидера возлагается задача предоставлять нуждающимся необходимые финансовые ресурсы, гарантировать бесперебойность операций с иностранными валютами и осуществлять макроэкономическую координацию [Kindleberger, 1995].

Место и роль государств в управлении мирохозяйственными связями определяются не только его долей в мировой экономике, но и не менее значимой совокупностью факторов, которые связаны с обеспечением общественных благ — международной безопасностью, приемлемым уровнем защиты окружающей среды, нерыночным перераспределением ресурсов для реализации базовых прав человека, включая право на жизнь и на развитие в целом.

Важным источником, который обнажает сущность торга лидеров стран по вопросам взаимодействия политического и экономического рынков, являются мемуары крупных государственных деятелей, дипломатов, непосредственно участвовавших в переговорном процессе. Что касается России, к таковым относятся мемуары президента Б.Клинтона, заместителя госсекретаря США С.Тэлбота, возглавлявшего российское направление в 1990-е годы, госсекретаря К.Райс, британского премьера Т.Блэра [Talbot, 2003]. Наряду с документами МВФ и Всемирного банка, а с недавнего времени и с решением ведущих контактных групп G8 и G20, они показывают сложный процесс трансформации экономической и военной мощи стран и их право реально участвовать в формировании и реализации международной повестки дня. Проследить этот процесс отнюдь не просто. На самом деле, пожалуй, только институты Бреттон-Вудса, изначально основанные на принципе взвешенного голосования, ближе всего соответствуют некому идеальному типу, характеризующему отношения, которые поддаются исчислению: объем прав той или иной страны принимать решения по существенным вопросам в рамках МВФ и Всемирного банка прямо пропорционален агрегированной доле страны в мировой экономике, включая размер ВВП, степень открытости экономики, объем внешнеторговых операций с использованием национальной валюты, а также размер резервов. Таким образом, происходит персонификация каждого государства-члена, которая определяет его место в мировой таблице о рангах, наделяя государство особыми правами и обязанностями. Однако надо отметить, что даже в названных выше институтах изменение происходит не автоматически

(выросла доля в мировом ВВП и других показателях и сразу увеличился размер взноса по квоте и, как следствие, повысилась возможность оказывать воздействие на политику институтов в нужном для национальных интересов направлении), а в результате политического процесса и весьма продолжительных переговоров. В частности, в рамках проводящейся с середины 1990-х годов реформы МВФ изменение доли в уставном капитале стран, представляющих быстроразвивающиеся экономики, заняло более 10 лет и до сих пор полностью не отражает реального соотношения сил в мировой экономике: на долю США и стран Евросоюза приходится существенно больше голосов, нежели на мировой ВВП. Например, США располагают в МВФ 16,75% голосов, а Китай имеет 3,81% голосов при том, что объем американской экономики всего вдвое больше китайской, по паритету покупательной способности преимущество США перед Китаем становится еще меньше. Данные о других странах, представляющих БРИКС, а также наиболее крупные экономики, см. в табл. 1.

Таблица 1. Номинальная доля ВВП и доля голосов в МВФ (по состоянию на 2012 г.)

Страна	Номинальная доля в мировом ВВП, %	Доля голосов в МВФ, %
США	18,80	16,75
Китай	10,04	3,81
Великобритания	2,92	4,29
Германия	4,08	5,81
Япония	7,16	6,23
Республика Корея	1,36	1,37
Бразилия	2,71	1,72
Саудовская Аравия	0,85	2,8
ЮАР	0,46	0,77
Индия	2,21	2,34
Россия	2,42	2,39

Источник: [World Development Indicators database..., 2013].

Изменение доли стран в мировом ВВП наглядно свидетельствует об остроте вопроса, связанного с перераспределением квот в Бреттон-Вудских институтах и обоснованностью претензий развивающихся стран на большую роль в процессе регулирования мирохозяйственных связей.

Таким образом, на фоне глубинных сдвигов в геополитическом ландшафте, мощным катализатором которых стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., складывается новая полицентричная международная система, состоящая из существенно большего числа субъектов, роль и вес которых продолжают изменяться. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Таблица 2. Изменение доли стран в мировом ВВП в период 2001–2011 гг.

Страны с долей ВВП, превосходящей 1% мирового ВВП	Доля в мировом ВВП в 2001 г., %	Доля в мировом ВВП в 2011 г., %	Изменение доли за период 2001–2011 гг., %
США	31,8	21,6	–32,3%
КНР	4,1	10,5	153,6
Япония	12,9	8,4	–35,2
Германия	5,9	5,1	–12,8
Франция	4,2	4,0	–4,9
Бразилия	1,7	3,5	105,5
Великобритания	4,6	3,5	–24,1
Италия	3,5	3,1	–10,3
Россия	1,0	2,7	178,2
Индия	1,5	2,6	72,3
Канада	2,2	2,5	11,4
Испания	1,9	2,1	12,4
Австралия	1,2	2,0	65,6
Мексика	1,9	1,7	–14,7
Республика Корея	1,57	1,57	1,6
Индонезия	0,5	1,2	142,3
Нидерланды	1,2	1,2	–4,2
Турция	0,4	1,1	81,1

Источник: [<http://data.worldbank...>].

3. Особенности вхождения России в систему глобального управления после окончания холодной войны

В течение последних двухсот лет миропорядок был результатом войн, в которых победитель или победители создавали приемлемые для них международные институты обеспечения своих национальных интересов. Основными субъектами складывавшихся систем были государства, которые в силу своего политического, экономического и военного веса определялись как великие державы [Bremmer, 2013]⁴.

Нынешняя система глобального управления основана на фундаменте, построенном еще державами антигитлеровской коалиции. Ядро этой системы составляют ООН и ее специализированные учреждения. Важнейшей особенностью участия Москвы в данной системе было то, что советское руководство во главе со Сталиным ориентировалось исключительно на обеспечение позиций СССР в вопросах поддержания мира и безопасности, фактически отказавшись от участия в институтах регу-

⁴ К числу классических работ на эту тему относятся монографии Г. Крейга и А. Джорджа, Р. Гилпина, а также недавно ушедшего из жизни классика структурного реализма К. Уолтца [Craig, George, 1983; Gilpin, 1981].

лирования мирохозяйственных связей через совокупность создававшихся в конце войны институтов. По сути, Советский Союз не воспользовался всеми возможностями ключевого участника победившей коалиции. Несмотря на активные попытки Администрации Рузвельта интегрировать СССР в создававшиеся финансовые институты, этого не произошло. Дело здесь не столько в том, что Москве предлагали неприемлемые условия, сколько в позиции Сталина, считавшего, что статус СССР в этих институтах будет ниже, чем у США. Сталин не мог не знать и о том, что некоторые члены американской администрации симпатизировали СССР и, как показывают современные исследования, даже были готовы через Бреттон-Вудские институты осуществлять поддержку советской экономики. Декстер Уайт⁵, один из архитекторов этой системы, искренне симпатизировал СССР. Он был убежден, что Советский Союз в годы войны являлся важнейшим партнером Соединенных Штатов и Америка должна вернуть долг Советскому Союзу, который на своих плечах вынес основные тяготы борьбы с германским нацизмом и японским милитаризмом. Президент Трумэн намеревался поставить Уйта во главе МВФ. Очевидно, что в случае назначения Уайта первым директором-распорядителем МВФ Фонд вряд ли сразу же превратился бы в инструмент внешней политики США, направленный на ущемление интересов СССР [Steil, 2013].

Таким образом, одна из сложнейших проблем встраивания постсоветской России в систему регулирования мирохозяйственных связей во многом была следствием весьма неоднозначной политики Сталина, отказавшегося от участия в международных финансовых организациях *еще до того*, как началась холодная война. Отсутствие институциональной взаимозависимости в экономическом сегменте институтов глобального управления между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции предопределило стремительный раскол не только вследствие различий геополитического характера, но и по экономическим причинам, оставив в наследство будущим лидерам России и стран Запада проблему интегрирования в систему регулирования мировой экономики на принципиально иных, нежели после Второй мировой войны условиях, связанных с угасанием экономической мощи государства.

Распад СССР в декабре 1991 г. привел к существенному сокращению мощи государства на международной арене. Почти на четверть уменьшилась территория, вдвое — численность населения, втрое — вооруженные силы, более чем наполовину — ВВП. Привлекательность государства в ряде стран третьего мира как державы, опиравшейся до 1991 г. на коммунистическую идеологию, практически исчезла. Не стала Россия популярной и на Западе, где ее воспринимали не в качестве страны победившей демократии, а страны, проигравшей холодную войну⁶. Под сомнение был поставлен даже вопрос о том, что Россия автоматически стала преемником СССР в ООН и других международных организациях [Blum, 1992].

⁵ Благодаря Уайту Советский Союз получил право выпускать денежные знаки в оккупированной Германии, используя американские клише. В то время как союзники выпустили в обращение с сентября 1944 г. по июль 1945 г. 10,5 млрд марок, СССР напечатал 78 млрд, большая часть из которых впоследствии была обменена по фиксированному курсу на американские доллары (см.: [Steil, 2013]).

⁶ Единственным исключением, пожалуй, является монография Неда Либоу и Дженис Стейн, которые весьма убедительно обосновывают тезис о том, что в холодной войне победителей не было, а были только проигравшие из-за колоссальных расходов, которые тяжким бременем легли на экономики конфликтовавших сторон (см.: [Lebow, Stein, 1995]).

Важными особенностями процесса вхождения новой России в систему регулирования мирохозяйственных связей были следующие: во-первых, России предстояло определить свои идентичность, национальные интересы, место в современном мире; во-вторых, вхождение России происходило в уже существующую систему; в-третьих, попытки интеграции в мировую экономику предпринимались тогда, когда страна зависела от милости бывших противников по холодной войне; четвертая особенность включения России в систему регулирования мирохозяйственных связей была связана с тем, что само регулирование есть процесс многосторонний, предполагающий готовность основных его участников «поделиться» своей компетенцией в пользу новых игроков, включая Россию. Однако в начале 1990-х годов Запад был озабочен совершенно другими проблемами, связанными с развитием интеграционных процессов в Европе. Кроме того, он не был политически однороден. Отсутствие внешней объединяющей угрозы в лице коммунизма лишило политиков индустриально развитых стран единого подхода к выстраиванию миропорядка после холодной войны.

С начала 1990-х годов отношения России с главными международными финансово-экономическими организациями характеризовались попытками Запада, координируемыми из Вашингтона, «разменять» ялтинско-потсдамскую систему международных отношений, в основе которой — деятельность ООН и исключительная роль Совета Безопасности в вопросах поддержания мира и безопасности, на уступки России в вопросах расширения НАТО и создания НАТО-центричной архитектуры безопасности с подключением к ней России в качестве «младшего партнера» через программу «Партнерство во имя мира» в обмен на интеграцию России в «семерку» (G7) ведущих индустриально развитых стран, международные клубы кредиторов, ВТО и др. Отметим сразу, что эти попытки США в то время, когда Россия была слаба, в целом увенчались успехом: Североатлантический альянс быстро поглотил бывших союзников России по Варшавскому договору, а также инкорпорировал три Прибалтийские республики, сохранив намерение идти в восточном направлении еще дальше.

Главным каналом экономического взаимодействия Запада с Россией стал МВФ. В этом были заинтересованы США, занимавшие ключевые позиции в Фонде и использовавшие его в качестве одного из инструментов своей политики в отношении России. Таким образом, американцы отчасти дезавуировали решение «большой семерки», выбравшей Европейский союз в качестве главного координатора помощи странам Восточной Европы. Фонд был тем инструментом, при помощи которого можно было регулировать отношения с другими ключевыми финансовыми институтами, такими как Всемирный банк, Лондонский и Парижский клубы кредиторов. В целом недоверие к России, унаследованное со времен холодной войны, а также ее экономическая слабость предопределили не только ее статус как «младшего партнера» в международных финансовых институтах, но и затяжной характер переговоров о присоединении к одному из важнейших компонентов регулирования мирохозяйственных связей — Всемирной торговой организации [Сутырин, 2012]. Весьма характерно, что в отношениях с Россией американцы пренебрегли одним из основных постулатов рыночной экономики, в соответствии с которым интегрирование бывших плановых экономик в международную торговую систему должно быть главным инструментом трансформации и создания рыночных институтов, в то время как

оказание разного рода помощи следует рассматривать лишь в качестве вспомогательного средства ('trade is better than aid').

Таким образом, говорить о полноценном и инициативном участии России в регулировании мирохозяйственных связей в течение 1990-х годов вряд ли приходится. Вступление в МВФ и другие институты имело изначально две важнейшие цели: во-первых, получение дополнительных средств для осуществления экономических реформ, а также облегчение долгового бремени, унаследованного Россией от СССР; во-вторых, осуществление международной социализации в глобальные институты, регулирующие рыночную экономику. Будучи одним из основных заемщиков Фонда, Россия автоматически лишалась возможности активно участвовать в процессе обсуждения будущего международной финансовой системы, стержнем которой являются институты Бреттон-Вудса. Исключением, пожалуй, являлись вопросы международной задолженности, в решении которых России была чрезвычайно заинтересованной, унаследовав от СССР не только долги, в большинстве своем, перед развитыми странами, но и получив многомиллиардные обязательства со стороны бывших покупателей советского оружия и тех, кто, выбрав в период холодной войны социалистическую ориентацию, получал от СССР щедрую помощь и дешевые кредиты. Забегая вперед, отметим, что большую часть их долгов Россия, в конце концов, списала, расплатившись, однако, полностью и по долгам СССР. Очевидно, правомерно утверждение, что Россия в последнее десятилетие XX в. была скорее объектом регулирования мирохозяйственных связей, нежели его субъектом.

В начале XXI в. политика России в отношении международных организаций несколько изменилась. Отчасти это было связано с новой ситуацией в мире и существенно выросшими в «цене» в условиях войны с международным терроризмом военно-политическим потенциалом России, а также значимостью энергодиалога не только с США и ЕС, но и с ведущими азиатскими государствами, прежде всего Китаем. Все это предопределило попытку возврата «субъектности» России в международных отношениях, т. е. возвращение ее в число важнейших игроков, определяющих правила (международные режимы) для остальных участников международного сообщества. В 2002 г. произошло революционное изменение в составе элитного клуба государств — «Большой семерке», которая признала за Россией право принять в 2006 г. лидеров этой контактной группы, тем самым подтвердив статус России внутри этого важного международного института в качестве полноценного участника. Саммит «восьмерки» в Санкт-Петербурге символизировал возвращение России в сообщество великих держав в новом качестве принимающей стороны, предлагающей его лидерам свою повестку дня.

«Мир меняется, — подводит итог резолюция саммита в Канаде, — Россия продемонстрировала свой потенциал играть существенную роль в решении глобальных проблем, которые стоят перед человечеством» [Russia's role in the G8, 2002]. Произшедшая метаморфоза наглядно и убедительно свидетельствует о неразрывной связи политического и экономического рынков и готовности лидеров «семерки» поступиться «принципами» ради союза с только набирающей экономической ход и не вполне еще демократической Россией в деле борьбы с новыми угрозами международной безопасности, в первую очередь международным терроризмом.

Анализ документов, принятых «восьмеркой» в период до мирового экономического кризиса, убедительно свидетельствует об авангардной роли этого института

в иерархии важнейших международных институтов [Најнал, 2007]. До кризиса 2008 г. «восьмерка» в наибольшей степени была удобна России для конвертации ее военно-политического капитала в экономический, поскольку именно в формате этого клуба обсуждается самый широкий круг вопросов, начиная с предоставления экономической помощи нуждающимся (включая ту же Россию) и заканчивая традиционными вопросами военной безопасности, в решении которых потенциал России наиболее заметен.

Еще более точный акцент на возвращение субъектности во внешней политике России и новый характер отношений с институтами глобального управления был сделан в период второго президентского срока В. В. Путина. Программный характер носили ежегодное послание Федеральному собранию в 2004 г. и знаменитое выступление на Мюнхенской конференции по вопросам международной безопасности в феврале 2007 г.

В 2004 г. в ежегодном послании Федеральному собранию российский президент выразил ключевое качественное изменение в положении России на мировой арене: «...за четыре последних года мы перешагнули непростой, но очень важный рубеж. И впервые за долгий период Россия стала политически и экономически стабильной страной, страной независимой — и в финансовом отношении, и в международных делах, что само по себе неплохо... Сегодня — чтобы в непростых условиях глобальной конкуренции занимать ведущие позиции — мы должны расти быстрее, чем остальной мир... Это — вопрос нашего экономического выживания, вопрос достойного места России в изменившихся международных условиях» [Путин, 2004].

4. Современный этап участия России в системе глобального управления

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. придал мощный импульс процессу трансформации системы международных отношений, а также адаптации внешней политики основных субъектов к новым реалиям. Данные, приведенные в табл. 3, красноречиво свидетельствуют о крайне неравномерном распределении силы между основными субъектами современных международных отношений.

В упоминавшейся выше мюнхенской речи в 2007 г. В. В. Путин обратил внимание на то, что суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки, а рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) превосходил совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать. «Не стоит сомневаться, — отметил российский президент, — что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность» [Выступление и дискуссия..., 2007]. В связи с этим очевидно, насколько большое внимание Россия уделяет попыткам активно влиять на процессы регулирования мирохозяйственных связей и глобальной политики через группу БРИКС. По мнению российского руководства, создание этого института по инициативе российской стороны в 2006 г. явилось одним из наиболее значимых геополитических событий начала нового столетия [Концепция..., 2013б]. Основу влияния БРИКС на международной арене составляют растущая экономическая мощь государств-участников, значимость их деятельно-

сти как одной из главных движущих сил развития глобальной экономики, большая численность населения, наличие богатых природных ресурсов.

Таблица 3. Соотношение силы государств в начале XXI века

Базовые характеристики	США	Япония	ЕС	Россия	Китай	Индия	Бразилия
Территория, тыс. кв. км	9,827	378	4,325	17,098	9,597	3,287	8,515
Население, млн человек (2009)	307	127	492	140	1,339	1,166	199
% грамотных	99	99	99	99	91	61	89
<i>Военная сила</i>							
Ядерные боеголовки, ед.	2,7	0	460	4,8	186	60–70	0
Расходы, млрд долл.	607	46	285	59	85	30	24
Расходы, % от общемировых (2008)	42	3	20	4	6	2	2
<i>Экономическая сила</i>							
ВВП, по паритету покупательной способности, млрд долл.	14,26	4,33	14,9	2,26	7,97	3,3	1,99
ВВП, млрд долл.	14,26	4,9	18,14	1,67	4,4	1,2	1,57
ВВП на душу населения, долл.	46,9	34,0	33,7	16,1	6,0	2,9	10,2
<i>«Мягкая сила»*</i>							
Количество университетов в мировом рейтинге 100	55	5	16	1	0	0	0
Количество произведенных фильмов	480	417	1,155	67	260	1,09	27
Количество иностранных студентов, тысяч	623	132	1,225	89	195	18	Нет данных

Источник: [Нуе, 2011, р. 158].

Примечание. * Концепция внешней политики 2013 г. впервые дала развернутое определение термину «мягкая сила», который уже в течение без малого 20 лет используется американскими и европейским политологами. Вслед за профессором Гарвардского университета Дж. Наем основной внешнеполитический документ определяет «мягкую силу» как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».

Что же касается политической составляющей силы БРИКС, то она определяется тем, что входящие в объединение государства являются авторитетными участниками ведущих международных организаций и структур (ООН, «Группа двадцати», «Группа восьми», Движение неприсоединения, «Группа 77»), а также региональных объединений. Сознывая влияние разных факторов на перспективы развития БРИКС, включая и центробежные, Российская Федерация исходит из того, что «при наличии твердой политической воли руководства государств-участников БРИКС к углублению взаимодействия данное объединение может стать в перспективе одним из ключевых элементов новой системы глобального управления, прежде всего, в финансово-экономической сфере. При этом Российская Федерация выступает за позиционирование БРИКС в мировой системе как новой модели глобальных отношений, строящейся поверх старых разделительных линий Восток–Запад или Север–

Юг» [Концепция..., 2013б]. Именно БРИКС может со временем трансформироваться из диалогового форума и инструмента координации позиций по ограниченному кругу проблем в полноформатный механизм стратегического и оперативного взаимодействия по ключевым вопросам мировой политики и экономики.

Нынешний этап участия России в системе глобального управления характеризуется двумя тенденциями: с одной стороны, государство в целом завершает интегрирование в институты регулирования мирохозяйственных связей, принимает участие в традиционных для великих держав видах деятельности (поддержание мира и безопасности; помощь развитию и т. п.), а с другой — все более активно формирует свой «центр» влияния на постсоветском пространстве, решая при этом не только насущные проблемы обеспечения безопасности в соседнем регионе, но и увеличивая, таким образом, свой вес в отношениях с другими центрами силы — США, Евросоюзом и Китаем. Кроме того, в течение последних лет наблюдается возрастающая активность России по ревизии сложившейся в 1990-е годы НАТО-центричной модели международной безопасности, а также попытки пересмотра ориентированной, прежде всего, на страны-импортеры архитектуры энергетической безопасности, которая нашла отражение в деятельности Международного энергетического агентства, Еврокомиссии и Секретариата Договора об энергетической хартии (о важнейших инициативах России см. табл. 4). Таким образом, внешняя политика России в течение последнего десятилетия сочетает в себе принятие страной фундаментальных норм и правил, необходимых для полноценного участия в регулировании мирохозяйственных связей, в основе которых лежит рыночная экономика, а также попытку ревизии модели ГСУ, сложившейся после окончания холодной войны.

Как видно из данных табл. 3, Россия по-прежнему обладает значительными ресурсами военной, экономической и даже «мягкой силы». При этом до недавнего прорыва в добыче нетрадиционных углеводородов в США Россия неуклонно наращивала свой потенциал в производстве энергоносителей и стала крупнейшей энергетической державой, способной участвовать в решении глобальных энергетических проблем.

Выбор инструментов реализации национальных интересов, включая участие в глобальном управлении, в целом отвечает пониманию того, какими ресурсами располагает Россия и что может быть востребовано в первую очередь. Кроме исключительно важного геостратегического положения между двумя крупнейшими рынками в западной Европе и в Азии, это, прежде всего, природные ресурсы (сохранение доминирования в нефтегазовой сфере остается приоритетом российской внешней политики), самые большие в мире запасы пресной воды, недостаток которой все более ощущается в разных регионах мира, емкий рынок для товаров и услуг, а также привлекательный рынок рабочей силы. России удалось «собрать» интеграционный блок из ряда постсоветских республик, что открыло возможности для использования отчасти и их политического и экономического потенциалов. Россия, наконец-то, становится одним из центров в системе сетевого управления, работая через ООН и ряд ее специализированных институтов, ФАТФ, АСЕАН, группы G8 и G20, СНГ, ФСЭГ и другие институты. Не случайно в Концепции внешней политики России говорится о децентрализации глобальной системы управления и укреплении ее регионального уровня.

К числу политических ресурсов стоит отнести укрепление стратегического партнерства с ведущими производителями энергетических ресурсов (в частности, с Форумом стран–экспортеров природного газа), активный диалог со странами-потребителями и странами транзита, исходя из того, что меры, гарантирующие надежность поставок энергоресурсов, должны последовательно подкрепляться встречными мероприятиями по обеспечению стабильности спроса и надежности транзита.

Важным ресурсом усиления позиций России является развитие транспортной инфраструктуры, связывающей Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион. Решения России о крупномасштабных инвестициях в модернизацию Транссиба, о которых говорилось на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в июне 2013 г., повысят значимость для страны развития торгово-экономических связей между двумя крупнейшими рынками и дадут дополнительный импульс развитию российской экономики.

В активе России имеется несколько достойных внимания предложений, свидетельствующих о желании играть более весомую роль в современных международных экономических отношениях (табл. 4).

Таблица 4. Важнейшие инициативы России в вопросах управления мирохозяйственными связями

Год	Инициатива	Событие	Результат
2006	Концепция глобальной энергетической безопасности	Принятие декларации группы восьми в Санкт-Петербурге	Декларация не выполняется ЕС, принявшим третий энергопакет
2006	Создание БРИК	Соглашение о создании БРИКС — одной из важнейших новых контактных групп	Созданы перспективы превращения БРИКС в полноценную международную организацию
2008	Антикризисный фонд ЕврАзЭС*	Формирование фонда (10 млрд долл.)	Оказана оперативная помощь ряду стран СНГ и достигнута социально-экономическая стабильность
2006–2013	Инициатива создания многонациональных центров по обогащению урана ⁷	Заключение договора о создании российско-казахстанского центра обогащения урана (2012 г.)	Обеспечен режим нераспространения, начато строительство АЭС в Турции
2007	Концепция участия России в ОПП	Принятие концепции президентом РФ	Россия вернулась в число доноров программ международного развития
2011	Проект создания Евразийского союза	Утверждение концепции	Создан ТС России, Казахстана и Беларуси. Вместе с ОДКБ Таможенный союз представляет собой интеграционное ядро

Примечание. *Российская доля в уставном капитале АКФ составляет 7,5 млрд долл., казахстанская — один млрд, белорусская — 10 млн долл. Кыргызстан и Таджикистан, а также ассоциированная с Сообществом Армения внесли по одному миллиону долларов. Антикризисный фонд открыт для участия не только государств Сообщества, но и для других заинтересованных стран [http://www.evrazes.com/about/sp_af...].

⁷ Подробнее см. монографию сотрудника Института ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) [Юдин, 2009].

Помимо разработки концепции глобальной энергетической безопасности, инициирования БРИК Россия активно включилась в число доноров программ международного развития и создала с партнерами по ЕврАзЭС специальный антикризисный фонд для оказания помощи находящимся в тяжелом экономическом положении странам СНГ. Эта инициатива сравнима с американским планом Маршалла для разрушенной послевоенной Западной Европы. Речь идет не только о финансовой помощи, но и содействии в создании институтов, ориентированных на развитие социальных и политических условий для вывода национальных экономик из кризиса. Россия и Казахстан реально помогли своим союзникам, обеспечив социально-политическую стабилизацию региона в целом, чем внесли существенный вклад в преодоление мирового экономического кризиса.

Одной из важнейших особенностей современной повестки дня международных отношений является все возрастающее внимание к официальной помощи развитию (ОПР), которая рассматривается в качестве важного инструмента решения многих глобальных проблем, нашедших свое отражение в Целях развития тысячелетия. После весьма продолжительного перерыва, связанного с болезненными реформами начала 1990-х и кризиса 1998 г., Россия в середине 2000-х годов вернулась в число доноров и партнеров в глобальном развитии. Важнейшими предпосылками для перехода на качественно новый уровень в этом направлении были следующие: 1) существенное улучшение финансового положения страны; 2) изменение внешнеполитической стратегии с приходом в Кремль В. В. Путина; 3) серия «цветных революций». По мнению российского руководства, они стали дестабилизирующим фактором на постсоветском пространстве и требовали активных действий со стороны России.

В 2000–2008 гг. Россия имела профицитный бюджет и устойчивый платежный баланс, а в 2004 г. превратилась в нетто-кредитора мировой экономики. Таким образом, появились финансовые возможности для более активного участия в различных программах СМР и ОПР. Новый международный статус России, связанный с председательством в группе G8 в 2006 г., в известной степени вынудил руководство страны взять на себя обязательства в сфере развития по той причине, что уровень участия России в СМР никоим образом не соответствовал ее претензиям на роль полноправного члена «большой восьмерки». Более того, по абсолютным объемам участия в СМР Россия отставала даже от ряда развивающихся стран. Это несоответствие необходимо было устранить, что и привело к появлению Концепции участия в СМР [Когерапов, Котагаева, 2012, р.15]. Основные направления деятельности России в СМР заключаются в следующем: во-первых, она участвовала в формировании глобальной повестки дня в области развития в рамках членства в контактных группах G8 и G20; во-вторых, как отмечалось, вместе с Казахстаном она выступила инициатором создания новых механизмов оказания ОПР (например, упоминавшийся многосторонний Антикризисный фонд ЕврАзЭС); в-третьих, в течение 2005–2012 гг. Россия перешла от реструктуризации задолженности развивающихся стран к выделению финансовых ресурсов на новые программы развития, увеличив свой финансовый вклад в ОПР до 500 млн долл. в год.

Очевидно, что востребованность России как донора будет возрастать в связи с сокращением участия других игроков, прежде всего США, в международных программах помощи развитию. Законопроект, разрабатываемый американским комитетом по ассигнованиям, предлагает в 2014 г. на 20% урезать данную статью

бюджета. В законопроекте речь идет, в частности, о прекращении финансирования более 20 программ, в том числе Стратегического фонда по изменению климата (the Strategic Climate Fund) и Фонда чистых технологий (the Clean Technology Fund). При этом финансирование программ по борьбе со СПИДом и ВИЧ сохраняется [Appropriations Committee..., 2014].

5. Председательство России в группе G20: основные итоги

С 1 декабря 2012 г. Россия председательствовала в группе G20 — неформальном объединении крупнейших экономик мира. Пожалуй, из всех форматов «двадцатка» — это наиболее комфортный для России; в ней присутствуют партнеры по БРИКС, спектр политических ориентаций входящих в нее государств намного разнообразнее, чем в «восьмерке». Главную задачу своего председательства Россия, по словам В. Путина, видела в том, чтобы сконцентрировать усилия «двадцатки» на разработке мер, стимулирующих экономический рост и создание рабочих мест через вложение инвестиций, укрепление доверия и транспарентности на рынках, эффективное регулирование.

Одним из приоритетов российского председательства был вопрос финансирования инвестиций. Важной особенностью российского подхода было то, что России удалось сместить акцент обсуждения в сторону развивающихся стран и экспортеров сырья, которые сегодня представляют собой наибольший ресурс капитала, а традиционные центры экономической силы — США, Европа и Япония — сами испытывают недостаток средств для инвестирования и дефицит инвестиционных идей. Группа G20 подтвердила необходимость опоры на частный капитал как на основную движущую силу инвестиций, в том числе долгосрочных. При этом государство должно делать все необходимое для создания условий для долгосрочных инвестиций. Другое решение предполагает создание новых инструментов и дополнительных возможностей в виде институтов развития для поддержки инвестиций в инфраструктуру с целью поддержания тех инвестиционных проектов бизнеса, которые в ином случае полностью будут финансироваться государством.

В целом страны группы G20 договорились в своей экономической политике придерживаться мер, которые позволят устранить дополнительные риски для бизнеса и создадут условия для нормального инвестиционного развития. К ним относятся, прежде всего, сокращение дефицитов бюджета, нормализация долговой ситуации и стимулирование развития рынков национальных валют. Очевидно, что проблемы бюджетного дефицита чрезвычайно актуальны для США и ряда стран Евросоюза, и в связи с этим группа G20 сочла нужным указать на один из важнейших источников потенциальных угроз мировой экономики. Кроме того, члены группы G20 взяли на себя обязательство разработать новые инструменты для привлечения долгосрочных инвестиций.

Не менее важным вопросом на саммите G20 была реформа международных финансовых институтов, включая дальнейшее перераспределение квот МВФ в связи с изменением экономической мощи в пользу развивающихся стран. 15 декабря 2010 г. Совет управляющих МВФ утвердил пакет далеко идущих реформ квот и управления Фонда, завершив 14-й общий пересмотр квот. После утверждения пакета реформ государствами-членами (он включает поправку к статьям Соглашения,

требующую принятия тремя пятими государств-членов МВФ, обладающими 85% общего числа голосов) и его реализации он приведет к 100%-ному увеличению совокупных квот и существенному перераспределению долей квот для более точного отражения изменяющейся значимости государств-членов МВФ в мировой экономике. В итоге будет увеличен вдвое общий размер квот приблизительно с 238,4 млрд СДР до 476,8 млрд СДР (около 720 млрд долл. США по текущим обменным курсам) и произойдет перераспределение более 6% долей квот от государств-членов с чрезмерным представительством государствам-членам с недостаточным представительством. Китай станет третьим по размеру квоты государством-членом МВФ, а четыре страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны (Бразилия, Индия, Китай и Россия) войдут в число 10 крупнейших акционеров Фонда [МВФ (2010)...]. Однако существенного прогресса в этом направлении в год российского председательства достичь не удалось вследствие отказа США, обладающих блокирующим пакетом, ратифицировать изменение квот. Очевидно, что эта позиция вряд ли претерпит изменения в обозримом будущем, потому что это будет означать революционное изменение во всей системе регулирования мирохозяйственных связей, учитывая ключевую роль в ней Бреттон-Вудских институтов.

Наиболее конкретных результатов удалось добиться в области налогообложения и проведения структурных реформ. К основным решениям группы G20 в данной области относятся: введение правил автоматического обмена информацией по уплате налогов ТНК; договоренность о начале работы по стандартизации налогового законодательства разных стран с целью устранения способов для законного ухода от выплаты налогов; совершенствование правил заключения договоров об избежании двойного налогообложения и правил трансфертного ценообразования.

Проблема улучшения делового климата и проведения структурных реформ обсуждалась в контексте выработки «дорожных карт» для каждой страны. Россия взяла на себя обязательство снизить административные барьеры и облегчить бремя государственного регулирования, в частности упростить лицензирование и увеличить число видов деятельности, не требующих получения разрешения, с 26 до 50 к 2018 г. Результатом этих мер для России должно стать повышение уровня инвестиций до 25% ВВП к 2015 г. и до 27% — к 2018 г.

Одним из наиболее важных результатов саммита G20 стало принятие «дорожной карты» по усилению надзора и регулирования теневой банковской системы. Это ключевой документ с конкретными сроками, где определен порядок работы с ценными бумагами, их залог под кредитование, а также четко прописаны новые стандарты и элементы надзора, базельский стандарт и рынок деривативов.

В области торговли были подписаны документы, связанные с совершенствованием транспарентности в сфере региональных торговых соглашений (РТС). Актуальность этой проблемы определяется тем, что на фоне пробуксовки переговоров в рамках дохийского раунда ВТО наблюдается рост числа региональных торговых соглашений: появляются зоны свободной торговли, таможенные союзы; развиваются на региональном уровне процессы либерализации торговли. В связи с этим обеспечение прозрачности РТС, соответствия заключаемых ими соглашений нормам ВТО является очень важным вопросом, требующим внимания со стороны других институтов регулирования мирохозяйственных связей, если Всемирная торговая организация с этим сейчас справиться не может.

К новеллам российского председательства относится обсуждение проблем занятости и создания рабочих мест. В итоге участники саммита G20 признали, что политика в отношении рынка труда связана не с затратами государства, а с инвестициями, которые в свою очередь ведут к экономическому росту, т. е. не экономический рост создаёт рабочие места, а рабочие места являются его залогом. Важно отметить, что впервые в истории работы группы G20 Россия предложила и провела совместную встречу министров финансов и министров труда и занятости.

С целью противодействия коррупции была принята Санкт-Петербургская рамочная программа. Одним из ключевых вопросов антикоррупционной деятельности группы G20 по-прежнему остаётся ратификация и реализация Конвенции ООН по противодействию коррупции. В 2013 г. этот документ ратифицировала Саудовская Аравия и сейчас только две страны группы G20, включая Россию, не являются участниками Конвенции.

6. Заключение

Сравнительно высокие темпы экономического роста в течение последних 10 лет, основанные на стабильном экспортном и расширяющемся внутреннем спросе, уникальных природных и накопленных финансовых ресурсах, ответственной социально-экономической политике, обеспечили значительный вклад России в стабильное развитие глобальной экономики и финансов, способствовали ее участию в международных мерах по предотвращению и преодолению кризисных явлений, особенно на постсоветском пространстве.

После распада СССР Россия присоединилась к основанной на принципах рыночной экономики системе глобального управления и в целом является ответственным ее субъектом. При этом Россия стремится к демократизации сложившегося после окончания холодной войны миропорядка, играя активную роль в сетевой экономической дипломатии, в которой все большее значение имеют контактные группы.

В настоящее время вышли на финишную прямую переговоры о присоединении России к ОЭСР, что знаменует завершение периода возвращения страны практически во все экономические институты глобального управления. В результате Россия получает возможность непосредственно оказывать воздействие на важнейшие стороны глобальной политической и экономической повестки. Она находится не вне, а внутри системы, обладает полнотой информации о деятельности соответствующих институтов, соучаствует в процессе формирования повестки дня и принятия решений. За последние десять лет статус России среди ведущих финансовых институтов вырос: она превратилась из заемщика в донора, стала предлагать инициативы по их реформированию. Россия также выдвинулась в число доноров в многообразных программах международной официальной помощи, расширив горизонты своего влияния в Африке, Латинской Америке и, конечно, на постсоветском пространстве.

Однако ни в одном из глобальных институтов регулирования мирохозяйственных связей Россия не играет и в обозримом будущем не будет играть определяющей роли, поэтому основной стратегией должно стать участие в сетевой многосторонней дипломатии с целью формирования коалиций для обеспечения выгодных или приемлемых для страны международных режимов в сферах международной торговли, движения капитала, взаимодействия интеграционных группировок в Евразии. Это

особенно важно в связи с тем, что процесс формирования системы регулирования мирохозяйственных связей еще не закончился. Россия принимает участие в процессе перестройки этой системы. Ее «недостроенными этажами» являются: во-первых, формализация деятельности группы G20; во-вторых, формирование новой архитектуры международных финансовых институтов и трансформация МВФ; в-третьих, корректировка норм деятельности ВТО и завершение дохийского раунда переговоров; в-четвертых, реформа ООН, включая блок институтов, занимающихся регулированием мирохозяйственных связей; в-пятых, развитие сети региональных интеграционных группировок (в том числе на постсоветском пространстве); наконец, в-шестых, определение позиции развивающихся стран в их отношении к глобализации. Применительно к последнему из названных выше пунктов следует добавить, что интересы развивающихся стран и интересы России, учитывая ее сегодняшний вес в мировой экономике, во многом совпадают.

Литература

- Выступление и дискуссия Президента России Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения: 12 декабря 2013 г.).
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/05/71501.shtml> (дата обращения: 12.12.2013).
- Сутырин С. Ф. Так долго ли был путь? (Размышления в связи с завершением переговоров о присоединении России к ВТО) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 6. С. 70–73.
- Юдин Ю. Многосторонние подходы к ядерному топливному циклу. Анализ существующих предложений. Женева: Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИП), 2009. 130 с.
- Blum Y. Z. Russia Takes over the Soviet Union's Seat at the United Nations // *European Journal of International Law*. 1992. N 31. P. 138–152.
- Bremmer I. Every Nation for Itself. What Happens When No One Leads the World. Penguin, 2013. 229 p.
- Craig G. A., George A. L. Force and Statecraft. Diplomatic Problems of Our Time. New York; Oxford: Oxford University Press, 1983. 288 p.
- Gnath K., Schmucker C. 'From the G8 to the G20: reforming the global economic governance system // Garnet Working Paper. January 2010. N 73/09. 118 p.
- Gilpin R. Global Political Economy. Understanding the International Economic Order. Princeton: Princeton University Press, 2001. 423 p.
- Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Hajnal P. I. The G8 System and the G20. Evolution, Role and Documentation. Ashgate, 2007. 277 p.
- International Political Economy. Perspectives on Global Power and Wealth / eds J. A. Frieden, D. A. Lake. Fourth edition. London; New York: Routledge, 2000. 485 p.
- Karns M. P., Mingst K. A. International Organizations: The Politics and Processes of Global Governance. 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2009. 633 p.
- Kindleberger C. P. The World Economy and National Finance in Historical Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 264 p.
- Korepanov D. V., Komagaeva J. Russia as International Development Aid Partner: Assistance Effort in Global Health // *Russia's Emerging Global Health Leadership* / ed. by J. Twigg. Center for Strategic and Development Studies. Washington, DC, 2012. 157 p.
- Lebow N. R., Stein J. G. We All Lost the Cold War. Princeton University Press, 1995. 542 p.
- Messner D. Architektur der Weltordnung. Strategien zur Lösung globaler Probleme. Vortragsbegleitende Unterlage zur Anhörung der Enquete-Kommission "Globalisierung der Weltwirtschaft — Herausforderungen und Antworten" des Deutschen Bundestages. Berlin, 2000.
- Messner D., Nuscheler F. Das Konzept Global Governance. Stand und Perspektiven. INEF Report. University of Duisburg, 2003. N 67.
- Messner D., Humphrey J. China and India in the Global Governance Arena. URL: [http://www.die-gdi.de/CMS-Homepage/openwebcms3_e.nsf/\(ynDK_FileContainerByKey\)/ADMR-7B7HWH/\\$FILE/MessnerHumphrey.pdf?Open](http://www.die-gdi.de/CMS-Homepage/openwebcms3_e.nsf/(ynDK_FileContainerByKey)/ADMR-7B7HWH/$FILE/MessnerHumphrey.pdf?Open) (дата обращения: 12.12.2013).

- Middle Powers and G20 Governance / ed. by Mo Jungrun. The Asian Institute for Policy Studies. Seoul, 2012. 149 p.
- Nye J. S. The Future of Power. PublicAffairs, New York, 2011. 300 p.
- Rodrik D. Has Globalization Gone too Far? Washington, D. C.: Institute for International Economics, 1997. 165 p.
- Rodrik D. , Subramanian A. Why India Can Grow at 7 Percent a Year or More: Projections and Reflections // IMF Working Paper. 2004. N 118. New York: International Monetary Fund.
- Ruggie J. International Responses to Technology: Concepts and Trends // International Organization. 1975. Vol. 29, N 3. P. 557–583.
- Russia's Encounter with Globalization. Actors, Processes and Critical Moments / ed. by J. Wilhelmsen, E. W. Rowe. Palgrave Macmillan, 2011. 233 p.
- Russia's role in the G8. Kananaskis, June 26, 2002. URL: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2002kananaskis/russiasrole.html> (дата обращения: 12.12.2013).
- Saran S. The Evolving Role of Emerging Economics in Global Governance—An Indian Perspective. King's India Institute, King's College London, June 7, 2012. URL: <http://www.ficci.com/EmergingEconomies-Paper-shyam-saran.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- Saran S. Premature power — India has to leverage its “swing” status, engage with all and align with none. March 17, 2010. Business Standard. URL: http://www.business-standard.com/article/opinion/shyam-saran-premature-power-110031700019_1.html (дата обращения: 12.12.2013).
- Steil B. «Red White». Foreign Affairs, March/April. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138847/benn-steil> (дата обращения: 12.12.2013).
- Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. Random House Trade Paperback. New York, 2003. 478 p.
- Thakur R., Weiss T. G. The UN and Global Governance: An Unfinished History. Indiana University Press, 2010. 448 p.
- Titus A. Unravelling Global Apartheid: An Overview of World Politics. Polity Press, 1996. 320 p.
- Tsygankov A. P. Russia in Global Governance: Multipolarity or Multilateralism? // “Russia in Global Governance: Multipolarity or Multilateralism?” in Contemporary Global Governance: Multipolarity vs New Discourses on Global Governance / ed. by D. Lesage, P. Vercauteren. Frankfurt; Brussels: Peter Lang Publishing Group, 2009. P. 51–62.
- Концепция (2013а). Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: www.rg.ru/2013/02/15/politika-site.html (дата обращения: 12.12.2013).
- Концепция (2013б). Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 21 марта 2013 г. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- МВФ (2010) — Совет управляющих МВФ утвердил значительные реформы квот и управления. Пресс-релиз МВФ № 10/477 (R) от 16 декабря 2010 года. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pr/sec/pr/2010/pr10477r.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- URL: <http://www.cfr.org/issue/global-governance/ri7> (дата обращения: 12.12.2013).
- World Development Indicators database, World Bank, 23 September 2013. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- URL: http://www.evrases.com/about/sp_af (дата обращения: 12.12.2013).
- URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 12.12. 2013).

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.